

ИЮЛЬ
10
ВОСКРЕСЕНЬЕ
1938 год
№ 38 (745)
Цена 30 коп.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Творчество и ремесленничество

В союзе писателей принято говорить о необходимости так называемой творческой атмосферы. Предлагалось немало хороших идей... Что можно разбрать против организаций нового творчества, против обсуждения новых произведений на собраниях поэтов, новеллистов, драматургов? Все это вполне приемлемые и даже необходимые формы работы союза. Но это налеко не все.

Кто входит в писательскую организацию? Действительно ли наш союз обхватывает только тех, для кого творческий труд — это жизнь? Таких людей немало в нашей стране. Их произведения любими миллионы людей, перевозятся на иностранные языки. Наша литература — самая передовая, самая чистая литература в мире.

Но откуда же появились термины «живиц», «окололитературный человек»? Кто беспрестанно стучится в двери Литературного фонда? В огромном большинстве случаев это люди, не имеющие никакого отношения к литературе.

Для известной категории членов союза значение писателя имеет исключительно утилитарное значение. Есть люди, которых не знает читатель, не знают даже писатели, но которых хорошо известны бухгалтерии Литфонда и администрации писательских домов отдыха. Не раз высказывались благие пожелания о том, чтобы союз писателей раз и навсегда отказался от обязательств, которых отсутствует не брал перед своими членами. Это обязательство материально-бытового характера. Они бесчисленны, как песок морской. Этот песок засыпает аппарат союза изо дня в день. Потом он скапливается, и увидает живая творческая инвалидика.

Правительство создало Литературный фонд — специальную организацию, которая обязана заниматься материально-бытовыми вопросами. Однако, по совершенно непонятным причинам, руководство союза взяло на себя параллельно с Литфоном его функции и упорно в повседневной работе не хотело с ними расставаться. Что же получалось?

Работает правление Литфонда, работают секции, работает секретариат союза, какое-нибудь работает все руководство... Над чем работают? Над вопросами, непосредственно-отношениями в литературе, писателями, кого рукописи не имеются. Это так называемая «текущка» в работе союза. Как только союз писателей будет освобожден от работы, несомненно с духом и стилем писательской организации, прекратится эта злонамеренная «текущка». И когда обектом истинной главной деятельности союза становятся писатели и его рукопись, то такая система, очевидно, коренным образом разойдется с интересами околовлитературных людей, которые пытаются использовать союз для устройства своего бытового благополучия.

Только освободившись от всего побочного и навязанного, союз писателей сможет бороться за принципиальность, за высокую чистоту нашей литературы, бороться с действием, приспособленностью и ремесленничеством.

Жизнь ставит советского писателя перед необходимостью решать все новые, новые творческие вопросы. Народу необходимо передовая литература, т. е. такая литература, которая, как и передовая наука, «имеет смелость решимости ломать старые традиции, нормы, установки, когда они становятся устаревшими, когда они превращаются в тормоз для движения вперед, и которая умеет создавать новые традиции, новые нормы, новые установки» (Сталин). Вне современности, вне движения вперед никакое искусство развиваться не может. Поворот к современной теме — это означает борьбу за передовое искусство. И тем беспощаднее должна быть борьба с литературой псевдонародной, рассчитанной на выдуманные некоторые литераторами низкие литературные вкусы.

Откуда возникла псевдонародная литература? Она возникла благодаря неправильному, не-марксистскому представлению о народе, благодаря незнанию человека из народа. Тут и многочисленные «индустриальные» романы, где советский рабочий изображен в виде первобытного аскета. Всё это не имеет ни одной полноценной реалистической, высококультурной книги о рабочем классе СССР. Тут и «сельскохозяйственные» романы, где сила собствен-

Песни советских железнодорожников

Редакция газеты «Гудок» собрала новые песни, специально написанные для железнодорожников советскими поэтами и композиторами.

Эти песни, как и лучшие старые, войдут в сборник, который редакция «Гудока» выпускает совместно с Трансжелдориздатом.

Создание комитета по проведению 125-летнего юбилея со дня рождения великого украинского поэта Т. Г. Шевченко

Постановление

ЦИК УССР

КИЕВ. (ТАСС). В связи с предстоящим 125-летним юбилеем со дня рождения великого украинского поэта Тараса Григорьевича Шевченко ЦИК УССР постановил организовать юбилейный комитет. Председатель комитета тов. А. Е. Корнейчук, заместителя председателя — народный комиссар просвещения Украины тов. Г. С. Хоменко и поэт-академик П. Г. Гачин. Члены комитета секретарь ЦК КП(б)У тов. М. А. Бурмистенко, председатель Союзкарточки УССР тов. Д. С. Коротченко, президент Академии наук УССР тов. А. А. Богомолец, писатель П. И. Манч, поэт Д. И. Гофштейн, кинорежиссер

Выходит под редакцией: В. Ставского, Е. Петрова, В. Лебедева-Кумача, Н. Погодина, О. Войтинской.

ОРГАН
ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА
СОВЕТСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ
СССР

СБОРНИК, ПОСВЯЩЕННЫЙ 35-ЛЕТИЮ II СЪЕЗДА РСДРП

В связи с 35-летием II съезда РСДРП, исполнявшимся 30 июля, институт Маркса-Энгельса-Ленина подготовил сборник материалов и документов, относящихся к периоду II съезда партии.

В сборник вошли статьи и речи Ленина, отчеты, резолюции, воззвания и обращения Петроградского, Московского, Кавказского и других комитетов РСДРП, статьи и заметки «Искры» и «Бризолова» («Борьба»), некоторые речи на II съезде, важнейшие решения съезда и т. д.

В сборнике будет помещена статья товарища Сталина «Ленин, как организатор и вождь РКП» и отрывок из речи «О Ленине», на вечере кремлевских курсантов 28 января 1924 года.

Специальный раздел сборника посвящен большевистским организациям Закавказья. Сборник издается государственным издательством политической литературы и выйдет из печати в середине июля.

К XX-ЛЕТИЮ ВЛКСМ

Различными издательствами Союза выпускаются новые книги к XX-летию ВЛКСМ.

Госсовнаиздат готовит брошюру «Комсомол и Красная Армия» и сборник «Герой гражданская войны», куда войдут статьи о Кирове, Куйбышеве, Фрунзе, Чапаеве, Шорсе, Лазо, Пархоменко и др.

Издательство «Художественная литература» готовит к печати сборники молодых поэтов и молодых прозаиков. В этом же издательстве выйдет книга Жукова — о пограничниках и национальной «Первой линии» о молодежи метро.

Свыше 30 новых массовых песен выпускает издательство «Искусство». Портретно-натюрмортный «Родной дом», песни фольклорные, бытовые, веселые поупечителей.

Композитор Иванов-Радкевич написал марш для духового оркестра, посвященный XX-летию ВЛКСМ.

К боялью выпускаются также плакаты и открытки, отражающие отдельные этапы жизни комсомола.

Писатели и композиторы единодушно подписываются на Заем Третьей Пятилетки

В литературных организациях Москвы среди писателей с большим подъемом продолжается подписка на Государственный Заем Третьей Пятилетки. Ряд издательств («Детиздат», «Молодая гвардия») уже заключили подписки среди работников аппарата издательств, находящихся в Москве.

В Детиздате подписка на заем охвачено 341 человек. Сумма подписки на заем к 9 июля составляет 149.400 рублей (99,2 проц. месячной заработной платы всех работников издательства). Кроме того, в Детиздате подписалось на заем 112 писателей и художников на 71.000 рублей. Подпись среди писателей и художников издательства предполагает завершить к 11 июля.

В издательстве «Молодая гвардия» подпись оковано 184 человека, которые подписались на 84.675 рублей (98 проц. месячной зарплаты).

45 сотрудников аппарата Литературного фонда СССР подписались на заем на 16.100 руб. (83,8 проц. фонда месячной зарплаты).

Продолжается подписка на заем по групповому драматургам.

В Минске состоялся митинг писателей и сотрудников союза советских писателей Белоруссии, посвященный выпуску Государственного Займа Третьей Пятилетки.

Выступавшие на митинге гости призвали постановление правительства о выпуске займа и отметить великом поэтическое значение советских займов.

Сейчас же после митинга началась подписка. За первые три часа сумма подписки Белоруссии на 35.730 рублей (96 проц. месячного фонда зарплаты). Подпись продолжается.

Коллектив Белгосиздата в составе 130 человек подписался на заем на 43.390 рублей (88 проц. месячного фонда зарплаты). Подпись была проведена в течение одного дня.

Станция метро «Площадь Маяковского». Проект архитектора А. Н. Душкина.

ОБЛИК НОВОЙ МОСКВЫ

Прошло три года со дня опубликования исторических решений партии и правительства о генеральном плане реконструкции Москвы. С этого момента социально-бытовая и художественная реконструкция нашей социалистической столицы вводится в планово-распределительное управление.

Советская драматургия создала для замечательных, полностью современных произведений. Когда несколько лет тому назад, после долгого перерыва на наших сценах вновь появилась «Любовь Яровая», мы с живым интересом смотрели эту пьесу. У нас есть пьесы и фильмы, которые по многу лет не сходят с репертуара, воспитывая поколения советских людей, они, герой Маяковски, кажутся позаимствованными из старых французских мелодрам. Такое «ремесленное» искусство имеет вдохновения в отжившем прошлом, берет оттуда готовые формы, в которых, как писал Белинский, люди давно уже охладели, которые никого уже не интересуют, не греют, ни в ком не пробуждают живого сознания.

Советская драматургия создала для замечательных, полностью современных произведений. Когда несколько лет тому назад, после долгого перерыва на наших сценах вновь появилась «Любовь Яровая», мы с живым интересом смотрели эту пьесу.

У нас есть пьесы и фильмы, которые по многу лет не сходят с репертуара, воспитывая поколения советских людей, они, герой Маяковски, кажутся позаимствованными из старых французских мелодрам.

Такое «ремесленное» искусство имеет вдохновения в отжившем прошлом, берет оттуда готовые формы, в которых, как писал Белинский, люди давно уже охладели, которые никого уже не интересуют, не греют, ни в ком не пробуждают живого сознания.

Советская драматургия создала для замечательных, полностью современных произведений.

Новый облик социалистической Москвы нашел свое выражение в строительстве нашего прекрасного метро, в создании новой волны системы — канала Москва-Волга, с его замечательным архитектурным ансамблем.

Но об эти граничные стройки не исчезают, разумеется, всего развернутого фронта реконструктивных работ. За истекшие три года велись громадные работы по реконструкции крупнейших магистралей города — Охотного ряда, Садового кольца, Первомайской, Мещанской, ул. Горького, Можайского проспекта, Балакиревской и т. д.

Комитету по проведению 125-летнего юбилея со дня рождения великого украинского поэта Т. Г. Шевченко предстоит наметить мероприятия по увековечению памяти великого украинского поэта и широкой популяризации его творчества среди украинского народа и народа Советского Союза.

Художников работает над проведением новых трасс метро, над постройкой грандиозного стадиона им. Стадиона, павильонов всесоюзной сельскохозяйственной выставки, мощных жилых комплексов, подобных громадному жилому массиву, который возводится на ул. Гоголя по проекту А. Г. Мордвинова.

На примере прекрасного метро, архитектура которого создана на основе грандиозного плана реконструкции Москвы, как создание зеленых зон в городе и лесопаркового пояса вокруг него. Недостаточно внимание уделять архитектуре малых форм — устройству фонтанов, открытых бассейнов и т. д. Ряд других существенных отраслей реконструкции Москвы, как например, освещение — также лишены необходимого архитектурно-художественного концепции.

Планировка наших новых сооружений проникнута стремлением максимально удовлетворить запросы труда. Все это влечет уверенность, что уже в ближайшем будущем мы в строительстве Москвы будем использовать достижения науки и техники.

Странно подумать, сколько понадобится времени, мелкого суждества и частных владельцев в любом капиталистическом городе для проведения каждого из осуществленных нами за истекшие три года мероприятий в реконструкции города.

Странно подумать, сколько понадобится времени, мелкого суждества и частных владельцев в любом капиталистическом городе для проведения каждого из осуществленных нами за истекшие три года мероприятий в реконструкции города.

На наших глазах сейчас из-под земли начинают вырастать гигантские сооружения. Нет никакого сомнения, что хозяйственный и архитектурно-художественный эффект реконструкции Москвы может быть

быть уже сегодня гораздо полнее, чем тот, что мы сейчас имеем. Мы должны вести строительство новой Москвы, не концентрируя его по крупным магистралям. Дробость и разбросанность застройки мешает планомерному осуществлению мероприятий по благоустройству города и вызывает значительные задержки.

В дальнейшем необходимо обеспечить комплексную застройку магистралей и набережных Москвы по определенному, заранее подготовленному плану. Городу больше внимания нужно уделить таким важнейшим частям сталинского плана реконструкции Москвы, как создание зеленых зон в городе и лесопаркового пояса вокруг него.

Недостаточно внимания уделять архитектуре малых форм — устройству фонтанов, открытых бассейнов и т. д. Ряд других существенных отраслей реконструкции Москвы, как например, освещение — также лишены необходимого архитектурно-художественного концепции.

Достойно сожаления, что многие писатели, художники и скульпторы стоят в стороне и не проявляют должного интереса к велиkim работам по реконструкции и строительству социалистической столицы. Между тем это — фронт нематериальной, напряженнейшей борьбы за создание светлой, радостной жизни для нового общества. Здесь пишется одна из прекраснейших и важнейших страниц борьбы и победы социалистической науки и искусства.

«Детство»

По словам Вайяна, он стал работать над этой книгой потому, что один американский издатель попросил его написать портрет французского юноши (книга должна была выйти в Америке под названием «The French Boy»). Вайян чуть ли не оправдывался, словно сделал что-то постыдное. Маленький Поль — это он и в то же время не он... Обрывки воспоминаний, приведенных в порядке для того, чтобы создать типический образ молодого француза.

Меня это николько не обмануло. Меня не могла привести скромность Поля. То, что он читал мне, не походило на вымысел, и в этом был настоящий аромат, неподражаемый отпечаток правдивости, настоящего вдохновения, которое тщетно было бы искальзать у героя романа. Это был Поль, ребёнок с таинственным будущим. И самые мимолетные слова маленького Поля, его самые незначительные жесты были неразрывно связаны с будущим образом Вайяна-Кутюре, поэта, солдата, коммуниста. Это была не просто история маленького француза, одного из тысячи, это была также история автора этой книги, великого француза, который не знал, как сильно любят его родина... Ах, почему не мог он увидеть это фантастическое шествие, не мог следовать по улицам Парижа за этой печальной и великолепной похоронной процессией, которой закончилась история маленького Поля, начавшаяся в небольшом поместье у подножья гор, история маленького Поля, который «прибыл издалека».

Для американского издания «French Boy» Вайян написал вступление — не более трех страниц на машинке. Это — краткая история происхождения героя. Художник в эпоху Империи женился в Париже на пастушке. Молодой инженер и его жена в это же самое время проезжали Украину. От первой пары родились мальчики, от второй — девочки, обе стали музыкантами. Родители Поля. Они встретились в полночи друг друга. Они работали в государственном театре и жили «счастью как липотитические чиновники, и Поль у них воспитывался, как любой французский буржуазный мальчик»...

Это вступление предполагалось заменить предисловием. О его содержании мы можем получить представление лишь по четырем строкам занесенным на листок бумаги.

Предисловие.

Возвращение издалека.

Буржуазное воспитание, интеллектуаль-

Поля Вайян-Кутюре

В международном социальном издательстве (Париж) недавно вышла посмертная книга Вайян-Кутюре о днях его юности. Предпосланное этой книге предисловие Арагона дает прекрасное представление о воспоминаниях галантного писателя и выдающегося деятеля французской компартии. Мы помещаем здесь с небольшим сокращением вступительную статью Арагона. Отрывок из книги Вайян-Кутюре мы напечатаем в одном из ближайших номеров нашей газеты.

наша гордость, необходимость каждый момент проверять себя.

Связь, которые продолжают существовать. Сентиментальность.

Отравление тенденциозной культурой.

Эти четыре строчки не составляют даже плана замечательного предисловия, это белые наброски каких-то мыслей, которые хотелось утвердить в памяти или вновь найти. Но мы можем думать об этих мыслях, и мне кажется, что они упивательным образом подходит к всему огромному личному опыту человека, каких было мало. Именно этот опыт Вайян хотел передать другим, чтобы помочь им идти по пути подобному тому, которым он сам прошел.

Мой дорогой Поль, я был одним из тысяч тех, кому ты приоткрыл руку. Я был одним из тех, кто благодаря тебе вновь обрел надежду. Твой пример и твой опыт помогут еще и другим принести такую же помощь и поддержку, какую они принесли мне. И эти несколько строк, в которых ты выразил самую сущность урока, эти несколько строк подтверждают твой пример и опыт. Ты не мертв, они живут.

Герои прошлого побеждали граконов, обвободили принцесс, очищали конюшни. Современный герой борется с социальными чудовищами, которых не влюблених ни скулитор, ни художник. Может ли быть более верный образ этого героя, чем образ Вайян-Кутюре? Он побеждает чудовища — буржуазию. Он борется с ним от Вильгельма до Шантая. Но он побеждает его прежде всего в себе. И четыре наихнее набросанные строчки говорят об этой внутренней борьбе, как волнующий и лаконичный дневник.

«Возвращение издалека»...

Сколько людей будет размышлять над этой фразой и над комментарием, который на неё следует: «...Буржуазное воспитание, комитетская гордость...»

Только факты

Национальный сектор союза советских писателей издавна славился своей беззатратностью. Его оторванность от писателей, самоизстранение от руководства творческой работой, беззаботность в вопросах улучшения качества переводов не раз обсуждались на страницах нашей газеты.

В № 10 «Литературной газеты» от 10 февраля 1938 г. писалось:

«Чего стоит, например, работа напильтального сектора, сосредоточенного в руках Аршаруни, который не берет на себя ни смелости, ни ответственности ставить самые наивные и наболевые вопросы: вопрос о качестве переводов, вопрос о помощи нацрукторам журналов и издательств... Порочно само по себе отдельное и оторванное существование национального сектора, где свалены все как в одну кучу творческие дела многих десятков поэтов, пишущих на различных языках... Прямого отношения к секции поэтов нацруктор не имеет, и вообще они, как говорится, «друг дружкой не интересуются».

Такая структура неверна в корне. Неверна творческая, политическая, организационная. (Аделис. «Заметки о союзе писателей»).

26 февраля «Литературная газета» напечатала корреспонденцию о работе литературной организации на Украине. В украинской литературной организации писатели национальной борьбы против врагов, прорвавшихся тогда к руководству союзом.

«Ведь это не секрет, — писала «Литературная газета», — что после ряда сигналов украинских товарищей никто из правления СССР даже не удосужился поехать на Украину. Мол, если не поедем, то и ответить не будем.

Неужели руководство литературой многочисленных народов СССР может быть переложено второстепенным работникам?

Возникает еще один вопрос, на который мы ждем ответа от партигруппы правления ССР.

Как могло случиться, что правление ССР по-барски отмахнулось от весьма серьезных сигналов «Литературной газеты»?

Речь шла не о мелких практических чередках в правлении союза писателей. Это было бы полбеды. Речь шла о деле первостепенной государственной важности: об улучшении руководства и об организации помощи национальным литературам народов ССР. Но отклика на эти вопросы «Литературная газета» не получила.

Организационные комитеты союзов писателей в национальных республиках продолжали работать нарядко и плохо, не получая помощи и руководства со стороны ССР и его нацруктора. «Литературная газета» снова возвращается к тому же вопросу и публикует недавно корреспонденцию «В стороне от творческой жизни». Авторы корреспонденции Ю. Андреев и В. Кременев пишут: «Превознос и восхваляя гибкость шпионов и прелатей, бужукающие националисты нещадно изображают в нас; они отталкивали от творческой работы выраженную в годы революции литературную молодежь, привнесшую в узбекскую литературу новую, советскую тему, новое, социалистическое содержание. Они искажали классики узбекской литературы, фальшивили превозносили замечательное народное творчество».

Подобные методы в большей или меньшей мере враги применяли и в других национальных республиках, в союзах писателей Киргизии, Башкирии, Казахстана и др. Об этом прекрасно освещено правление ССР. Правда, оно не знает Аршаруни.

Среди бумаг, скопившихся у тов. Аршаруни, находились и строго секретные документы, которые хранились без соблюдения установленных правил, вместе с газетными вырезками. И на разу при партбюро, при ответственный секретарь союза, на партгруппу ССР не заинтересовалась столь подозрительным отношением Аршаруни к порученному ему работе.

Со времени вскрытия всех этих волниющих фактов прошло уже несколько недель, но дело все еще не рассмотрено. Одна из партгрупп поставила этот вопрос на обсуждение, но т. Аршаруни, сознавший на поздоровье, на заседании не явился. Однако врач, пришедший к Аршаруни, больного дома не застал.

Правление союза писателей, уловившись тем, что Аршаруни уже больше не работает, поехал в Башкирию, до сих пор не удосужился обсудить вопрос о положении в национальном секторе. Освобождением же Аршаруни от работы не интересуется вопрос о руководстве национальными литературами.

Потерян был наш прежний лоск. И нас томила робость. Знакомство все же началось, Но тут — сюжет особый...

Из цикла стихов, который полностью будет опубликован в журнале «Красная новь».

Случай в дороге

Поля обетились едва, Ступить с дороги топко. Как хвоя тонкая, трава Показывалась робко.

И колесо еще следа Прорезать не успело. И запоздалая вода По всем овражкам пела...

В такой то день мы шли гулять, Кино прослыши глад-то... И были оба мы подстать, Как лорды разодеты.

И с виду будто от собак, Для красоты на деле — Мы другом прутки в руках Изящные имели.

Хотя обычные уже Тропинки были суки, Шагали мы настороже. Оберегая брюки.

А воздух весь звенел вокруг И грело солнце так-то... И вот идем — с лысшим вдруг: Стучит, буски, трактор.

Понять не трудно, что и как, Имеет ухо опыт. Какой-то, думаем, дурак В грязи машину топит.

Слова готовы наперед: — Позор! В нетрезвом виде... С горы спускаемся — и вот Мы видим... Что-ж мы видим! —

Девченка лет семнадцати Хлопочет за рулем. Обволокло тяжелые Колеса киселем.

Левченка лет семнадцати Берет на полный ход, Но видно не податься ей Ни взад и ни вперед.

Подходят к ней смущенные Два лорда молодых. — Позвольте, мы вас вытащим, — Сказали один из них.

Понятно, соглашается, Хотя глядят зверьком И даже улыбается, Несчастная, мельком.

Но это дело личное, А медлить не с руки. И лорды, не задумавшись, Снимают пиджаки.

Мости побольше хвосты, Кустарник под боком. И трактор вылез вскорости, Однако суть не в том...

Девченка, смех стараясь скрыть, Сидит, глядят понуро. — Позвольте вас благодарить, — И руку протянула.

Стон: Нельзя полать руки, Умыться тоже нечем. Она, смеясь, нам пиджаки Накинула на плечи.

Он на меня, я на него — Глядим, косясь бок-о-бок. — Ты что? — А что? — Да ничего... — И рассмеялись оба.

Была погода хороша, Приветлива девченка. Шел в гору трактор неспеша, И мышли стороныкой.

Потерян был наш прежний лоск И нас томила робость. Знакомство все же началось, Но тут — сюжет особый...

Из цикла стихов, который полностью будет опубликован в журнале «Красная новь».

ЭМИ СЯО

Год борьбы китайского народа

Второй год продолжается героическая борьба китайского народа с японскими захватчиками. Горячее участие в этой самодержавной борьбе принимают китайские писатели, поэты, художники.

Талантливая писательница-коммунистка Тин Лин борется в рядах 8-й народно-революционной армии. Под руководством Тин Лин знаменитая «Группа по обслуживанию Северо-западного фронта» совершила большую переходы из деревни в деревню, из одной воинской части в другую, выступает перед населением и бойцами, ставит патриотические антияпонские спектакли, поет революционные песни.

«Группа» завоевала большую популярность и любовь среди населения. Часто, тут же у сцены, непосредственно после выступления «Группы», зрители организуют отряды самообороны. В «Группу» входит более сотня человек, в том числе писатели и актеры, молодые женщины, солдаты и патриоты. Они боятся японцев, но боятся и японской администрации.

Очень хорошо в «Дейче Фольксцейтунг» выходят на востоке Германии и Франции. В деревне под Аахеном местная фашистская группа установила кинотеатр «Солдаты на варварах».

Из южной Германии сообщают, что в поездах введенная военная охрана. В Баварии (Баден) фашисты выбили стекла в доме местного католического священника. Ночью он спешно бежал от расправы «королей» молодников. В деревне под Аахеном местная фашистская группа установила кинотеатр «Солдаты на варварах».

Очень хорошо в «Дейче Фольксцейтунг» выходят на востоке Германии и Франции. В деревне под Аахеном местная фашистская группа установила кинотеатр «Солдаты на варварах».

Очень хорошо в «Дейче Фольксцейтунг» выходят на востоке Германии и Франции. В деревне под Аахеном местная фашистская группа установила кинотеатр «Солдаты на варварах».

Очень хорошо в «Дейче Фольксцейтунг» выходят на востоке Германии и Франции. В деревне под Аахеном местная фашистская группа установила кинотеатр «Солдаты на варварах».

Очень хорошо в «Дейче Фольксцейтунг» выходят на востоке Германии и Франции. В деревне под Аахеном местная фашистская группа установила кинотеатр «Солдаты на варварах».

Очень хорошо в «Дейче Фольксцейтунг» выходят на востоке Германии и Франции. В деревне под Аахеном местная фашистская группа установила кинотеатр «Солдаты на варварах».

Очень хорошо в «Дейче Фольксцейтунг» выходят на востоке Германии и Франции. В деревне под Аахеном местная фашистская группа установила кинотеатр «Солдаты на варварах».

Очень хорошо в «Дейче Фольксцейтунг» выходят на востоке Германии и Франции. В деревне под Аахеном местная фашистская группа установила кинотеатр «Солдаты на варварах».

Очень хорошо в «Дейче Фольксцейтунг» выходят на востоке Германии и Франции. В деревне под Аахеном местная фашистская группа установила кинотеатр «Солдаты на варварах».

Очень хорошо в «Дейче Фольксцейтунг» выходят на востоке Германии и Франции. В деревне под Аахеном местная фашистская группа установила кинотеатр «Солдаты на варварах».

Очень хорошо в «Дейче Фольксцейтунг» выходят на востоке Германии и Франции. В деревне под Аахеном местная фашистская группа установила кинотеатр «Солдаты на варварах».

Очень хорошо в «Дейче Фольксцейтунг» выходят на востоке Германии и Франции. В деревне под Аахеном местная фашистская группа установила кинотеатр «Солдаты на варварах».

Очень хорошо в «Дейче Фольксцейтунг» выходят на востоке Германии и Франции. В деревне под Аахеном местная фашистская группа установила кинотеатр «Солдаты на варварах».

Очень хорошо в «Дейче Фольксцейтунг» выходят на востоке Германии и Франции. В деревне под Аахеном местная фашистская группа установила кинотеатр «Солдаты на варварах».

Очень хорошо в «Дейче Фольксцейтунг» выходят на востоке Германии и Франции. В деревне под Аахеном местная фашистская группа установила кинотеатр «Солдаты на варварах».

Работа актера над собой

Советский читатель скоро получит возможность познакомиться с новой книгой народного артиста СССР, орденоносца Константина Сергеевича Станиславского: «Работа актера над собой». Книга эта, выходящая в ближайшее время в издательстве «Художественная литература», является вторым томом задуманного замечательным артистом большого многогодичного труда о мастерстве актера. (Первый том — «Моя жизнь в искусстве»). Книга посвящена вопросам внутренней техники воспитания актера. В книге шестнадцать глав: I. Дилетантизм. II. Сценическое искусство и сценическое ремесло. III. Действие. IV. Во-

ображение. V. Сценическое внимание. VI. Освобождение мыши. VII. Память. VIII. Чувство правды и веры. IX. Общение. XI. Приспособление и другие элементы, свойства, способности и дарования артиста. XII. Движатели психической жизни. XIII. Линия стремления движителей психической жизни. XIV. Внутреннее сценическое самочувствие. XV. Сверхзадача и сквозное действие. XVI. Подсознание в сценическом самочувствии артиста.

В книге Станиславского, наряду с практическими вопросами воспитания актера, поднят ряд общих принципиальных вопросов театраль-

Сценическое искусство и сценическое ремесло

— Представим же все подсознательное волшебнице природе, а сами обратимся к тому, что нам доступно — сознательным подходам к творчеству и сознательным приемам психотехники. Они прежде всего учат нас, что, когда в работу вступает подсознание, надо уметь не мешать ему.

— Как странно, что подсознание нуждается в сознании! — удивился я.

— Мне это представляется нормальным, — говорил Аркадий Николаевич Горюков. — Электричество, ветер, вода и другие не-произвольные силы природы требуют знания и умного инженера для получения им человеку. Наша сознательная творческая сила тоже не может обойтись без своего рода инженера — без сознательной психотехники. Только тогда, когда артист поймет и почувствует, что его внутренняя и внешняя жизнь на сцене, в окружающих условиях протекает естественно и нормально, до предела натуральности, по всем законам человеческой природы, глубокие тайники подсознания осторожно вскроются, и из них выйдет не всегда понятные нам чувствования. Они на короткое или на более продолжительное время овладеют нами и поведут туда, куда им повелит что-то внутри. Не ведя этой правящей силы и не умея изучать ее, мы на нашем актерском языке имеем ее просто «природой».

Но стоит нарушить наши правильную органическую жизнь, — перестать верно творить на сцене, — и тотчас же щепетильное подсознание пугается насилия и снова прятается в своих глубоких тайниках. Чтобы этого не произошло, прежде всего надо творить верно.

Таким образом, реализм и даже натурализм внутренней жизни артиста необходимо ему для возбуждения работы подсознания и порывов вдохновения.

— Значит, в нашем искусстве нужно беспрерывное подсознательное творчество, — вывел я заключение.

— Всегда творить подсознательно и вдохновение несется, — заметил Аркадий Николаевич, — таких гениев не существует. Поэтому наше искусство предписывает нам лишь подготовлять почву для такого подлинного подсознательного творчества.

— Как же это делается?

— Прежде всего надо творить созн-

тельно и верно. Это создаст наилучшую почву для зарождения подсознания и вдохновения.

— Почему же? — не понимал я.

— Потому что сознательное и верное рождает правду, а правда вызывает веру, а если природу поверит тому, что происходит человеку, она сама примется за дело. Всё за нее вступит подсознание и может явиться само вдохновение.

— Что значит «верно» играть роль? — допытывался я.

— Это значит: в условиях жизни роли и в полной аналогии с ней правильно, логично, последовательно, по-человечески мыслить, хотеть, стремиться, действовать, стоя на подмостках сцены. Лишь только артист добьется этого, он приблизится к роли, начнет однажды с нею чувствовать.

На нашем языке это называется: *передживать роль*. Этот процесс и слово, его определяющие, получают в нашем искусстве совершенно исключительное, первенствующее значение.

Переживание помогает артисту выполнить основную цель сценического искусства, которая заключается: в создании «*жизни человеческого духа*» роли и в передаче этой *жизни на сцене в художественной форме*.

Как видите, наша главная задача не только в том, чтобы изображать жизнь роли в ее внешнем проявлении, во главном образом в том, чтобы создавать на сцене внутреннюю жизнь изображаемого лица и всей пьесы, приспособляя к этой чужой жизни свои собственные человеческие чувства, отдавая ей все органические элементы собственной души.

Запомните однажды и навсегда, что этой главной, основной целью нашего искусства должны руководить во все моменты творчества ваши жизни на сцене. Вот почему мы прежде всего думаем о внутренней стороне роли, то есть о ее психической жизни, созданной с помощью внутреннего процесса переживания. Он является главным моментом творчества и первой заботой артиста. Надо переживать роль, то есть испытывать аналогичные с ней чувства, каждый раз и при каждом ее повторении.

— Всегда творить подсознательно и вдохновение несется, — заметил Аркадий Николаевич, — таких гениев не существует.

Потому наше искусство предписывает нам лишь подготовлять почву для такого подлинного подсознательного творчества.

— Как же это делается?

— Прежде всего надо творить созна-

тельно и верно. Это создаст наилучшую почву для зарождения подсознания и вдохновения.

— Неподвижность сидящего на сцене еще не определяет его пассивности, — обяснял Аркадий Николаевич. — Можно оставаться неподвижным и тем не менее полноценно действовать, но только не внешне — физически, а внутренне — психически. Этого мало. Нередко физическая неподвижность происходит от усиленного внутреннего действия, которое особенно важно и интересно в творчестве. Полнота искусства определяется его духовным содержанием. Поэтому и несколько изменено свою формулу и скажу так: *на сцене нужно действовать — внутренне и внешне*.

Этих выполняется одна из главных основ нашего искусства, которая заключается в активности и действенности нашего сценического творчества и искусства.

— Извините пожалуйста, — заговорил вдруг Горюков. — Вы изволили сказать, что на сцене нужно действовать. Но позовите вас спросить, почему же выше сказанное в кресле является действием? По-моему, это полное и абсолютное бездействие.

— Не знаю, действовал Аркадий Николаевич или не действовал, — заговорил я с

том или другом оттенке камня, в той или другой его жилке он предчувствует и ощущает тело будущего создания. И у нас, артистов сцены, в основе всякого процесса добывания творческого материала заложено увлечение. Это, конечно, не исключает от-

ромной работы разума. Но разве нельзя мыслить не холодно, а горячо? Нередко слушатель помагает в жизни естественному и сильному разбудению внимания; тогда даже рассеянный человек становится наблюдательным.

Чувство правды и веры

— В театре важно не то, что книжал Отелло картонный или металлический, а то, что внутреннее чувство самого артиста, оправдывающее самоубийство Отелло, верно, искренне и полно. Важно то, как бы поступил сам человек-актер, если бы условия и обстоятельства жизни Отелло были полностью, полно и верно?

— Вот об этой правде чувства мы говорим в театре. Вот та сценическая правда, которая нужна артисту в момент его творчества. Нет полного искусства без такой правды и веры! И чем реальная внешняя обстановка на сцене, тем ближе к организованной природе должно быть переживание роли артистом.

Решите же, что для вас интереснее и важнее: чему вы хотите верить: тому ли, что в театре и в пьесе существует реальная правда фактов, событий, материального мира, или тому, что зародившееся в душе артиста чувство, вызванное несуществующим в действительности сценическим выражением, полно и верно?

— Вот об этой правде чувства мы говорим в театре. Вот та сценическая правда, которая нужна артисту в момент его творчества. Нет полного искусства без такой правды и веры!

Чем реальнее и ярче выражение чувства, тем ближе к организованной природе должно быть переживание роли артистом.

Но часто мы видим на сцене совсем другое. Там создаются реалистическую обстановку декораций, вещей, в которых все права, но при этом забывают о полноценном выражении чувства и переживания исполнителей ролей. Такое несогласование правды вещей с неправдой чувства только сильно подчеркивает отсутствие подлинной жизни в исполнении ролей.

Аркадий Николаевич говорил:

— Я бы сказал вам в самых общих чертах о значении и о роли правды в творческом процессе. Теперь поговорим о неправде.

Хорошо обладать чувством правды, но также надо иметь чувство лжи.

Вас учили, что я разделю и противостоятельно есть два понятия. Я это делаю потому, что сама жизнь этого требует.

Среди руководителей театров, артистов, зрителей, критиков много таких, которые любят на сцене только условность, театральность, ложь.

У некоторых это обясняется плохим, извращенным вкусом, у других — пресыщенностью. Последние, наподобие гастрономов, требуют на сцене острого, пикантного; они любят пропивать в постановках и игре артистов. Нужно «собеседное», чего нет в жизни. Реальная действительность им наскучила, и они не желают встречаться с нею на подмостках. «Только не так, как в жизни».

— Не правда ли, какое разочарование! — проговорил Горюков. — Не думать о «страстях», отказатьсь от любой ванильной памяти.

Извините, пожалуйста, — поспешил вступиться Шекспира Горюков. — Неужели великий писатель создавал свою шедевры для того, понимаете ли, чтобы его герой мыслей о себе руками или проподелывал другие наущательные действия?

— Не правда ли, какое разочарование! — проговорил Горюков. — Не думать о «страстях», отказатьсь от любой ванильной памяти.

Все это оправдывается учеными словами, статьями, лекциями, придуманными молниеносными теориями, якобы вызванными их изысканным пониманием тонкостей искусства.

— Мы хотим отдохнуть, веселиться, смеяться на спектакле! Мы не хотим там страшиться и плакать! «Довольно горя и в жизни», — говорят другие.

В противоположность этим людям есть много руководителей театров, артистов, зрителей, критиков, которые любят и признают на сцене только жизненность, естественность, реализм — правду. Эти люди хотят нормальной и здоровой жизни, хорошего «маяка», без пикантных и вредных «сусалов». Они не боятся сильных, очищающих душу впечатлений в театре; они хотят там плачать, смеяться, переживать, косвенно участвовать в жизни пьесы. Они хотят на сцене отражения подлинной «жизни человеческого духа».

Прибавьте к сказанному, что и в том и в другом случае получают перегибы, при которых остроупа и изломы доводятся до предела внутреннего напряжения, нам необходимы чувства, а простота, естественность, которое уходит, — не простой, а живой, трепещущий творческий материал. Словом, нельзя в искусстве работать холстным способом. Нам необходим известный градус внутреннего напряжения, нам необходимое чувство, которое рождается из этого напряжения! Легко ли против волн лобзаться того, что рождается только от творческого углечения! При таком противостоянии, когда на сцене отложены ложь и правда от лжи и говорить о них порознь, в

всем случае не трудно своих сильных, но не всегда понятных и интересных.

Все сказанное вынуждает меня отделять правду от лжи и говорить о них порознь, в

своем случае не трудно своих сильных, но не всегда понятных и интересных.

Все сказанное вынуждает меня отделять правду от лжи и говорить о них порознь, в

своем случае не трудно своих сильных, но не всегда понятных и интересных.

Все сказанное вынуждает меня отделять правду от лжи и говорить о них порознь, в

своем случае не трудно своих сильных, но не всегда понятных и интересных.

Все сказанное вынуждает меня отделять правду от лжи и говорить о них порознь, в

своем случае не трудно своих сильных, но не всегда понятных и интересных.

Все сказанное вынуждает меня отделять правду от лжи и говорить о них порознь, в

своем случае не трудно своих сильных, но не всегда понятных и интересных.

Все сказанное вынуждает меня отделять правду от лжи и говорить о них порознь, в

своем случае не трудно своих сильных, но не всегда понятных и интересных.

Все сказанное вынуждает меня отделять правду от лжи и говорить о них порознь, в

своем случае не трудно своих сильных, но не всегда понятных и интересных.

Все сказанное вынуждает меня отделять правду от лжи и говорить о них порознь, в

своем случае не трудно своих сильных, но не всегда понятных и интересных.

Все сказанное вынуждает меня отделять правду от лжи и говорить о них порознь, в

своем случае не трудно своих сильных, но не всегда понятных и интересных.

Все сказанное вынуждает меня отделять правду от лжи и говорить о них порознь, в

своем случае не трудно своих сильных, но не всегда понятных и интересных.

Все сказанное вынуждает меня отделять правду от лжи и говорить о них порознь, в

своем случае не трудно своих сильных, но не всегда понятных и интересных.

Все сказанное вынуждает меня отделять правду от лжи и говорить о них порознь, в

своем случае не трудно своих сильных, но не всегда понятных и интересных.

Все сказанное вынуждает меня отделять правду от лжи и говорить о них порознь, в

своем случае не трудно своих сильных, но не всегда понятных и интересных.

Все сказанное вынуждает меня отделять правду от лжи и говорить о них порознь, в

своем случае не трудно своих сильных, но не всегда понятных и интересных.

Все сказанное вынуждает меня отделять правду от лжи и говорить о них порознь, в

своем случае не трудно своих сильных, но не всегда понятных и интересных.

Все сказанное вынуждает меня отделять правду от лжи и говорить о них порознь, в

своем случае не трудно своих сильных, но не всегда понятных и интересных.

Все сказанное вынуждает меня отделять правду от лжи и говорить о них порознь, в

своем случае не трудно своих сильных, но не всегда понятных и интересных.

Все сказанное вынуждает меня отделять правду от лжи и говорить о них порознь, в

своем случае не трудно своих сильных, но не всегда понятных и интересных.

Все сказанное вынуждает меня отделять правду от лжи и говорить о них пор

Борьба за Чехова¹

В бживленном споре конца 80-х годов о «молодой литературе» «Неделя» поспешила завербовать Чехова в свой лагерь, обивая его «пантектом-художником», которого безразлично, что бы ни изобразить, лишь бы не судить жизни с точки зрения «идеалов гражданственности», лишь бы постигнуть таинственную сущность «неустанно творящей природы». Эту литературную критику Чехов в письме к Шеглову назвал мудростью индукции. Но недоразумение с Чеховым вырастало, когда и в демократическом лагере приснился его единомышленник «Недели» и стали рассматривать, как самого видного представителя «общественного индифферентизма» в литературе. Ведь это о Чехове, не называя его, писал Шеглов: «Белетристические произведения молодых белетристов чаще всего художественным перифраз газетных сообщений о каком-нибудь местном происшествии или случае... Собака села котят, церковного сторожа обманули воры, туслиный лесник не вышел из своей хаты на крик о помощи, — вот темы для художественного творчества молодых белетристов. Уж будто бы это пантектизм? Уж будто бы вся Россия до того отгорожилась, что для мыслящего человека в ней нет ничего, что хотелось бы ему помянуть и обяснить»². Все публицистические устремления Шеглова в этот период были направлены на пробуждение общественной активности и пропаганду необыкновенности широких идейных концепций. «Случайный» характер сюжетов Чехова был для него принципиально непримлем, за сюжетами он не разглядел содержания и вскоре стекл нового писателя единомышленником «Недели».

Междудилем тем самой природе своего творчества Чехов был явлением, резко противоречавшим системе мышления буржуазных писателей, «реабилитировавших действительность». Еще в самом начале своей литературной деятельности, в 1883 году, Чехов писал брату: «Есть у тебя рассказ, где молодые супруги весь обец делают, ноют, толкнут воду... Ни одного дельного слова, одно только благоустройство, Чеховы!... И, Г. А опиши ты обед, как если, что ели, какая кухарка, как пошла твой герой, довольны своим ленивым стилем, как пошла твой герой, как она смешна в своей любви к этому, подвластному салфетке, съому, обзываешь гусь...»³

Уже с ранних, «осколочных» рассказов Чехов был явлением врагом «смытого, обвязанного гусем» — буржуа. Уже в первом периоде своей работы, полном юмористического блеска и прихоти, он был обличителем всей системы общественного строя, основанного на корысти, съости и угнетении. В противоположность мелкобуржуазным идеологам 80-х годов Чехов совсем не занимался поисками «добра» и «светлых явлений». Все смыслы своего огромного таланта он отдал изображению жизни «как она есть», и «каков она не должна быть». Чехов с изумительным проникновением в повседневный быт людей изобразил всю прелестность буржуазной морали, все распространяющее влияние общественности и тот чопонийский яд разрыва, который проникает все человеческие отношения, основанные на купле-продаже нравственности и откупе мыслей чувств. Подхалимство и подбоготворство в денежном человеке, наглость и хамство сытого, воровского, дикости, бесчетные, тупое, пренебрежение и издавательство над трудом человека, скотская морда накопления, накопление, как смысла и содержания жизни, все эта съята, но духовно нищеская жизнь также являлась несменяемой минионью его обличий. Если Шедрин гениально наметил фигуру «чумазого», как воплощение российского «первоначального накопления», Глеб Успенский сородочатом, свое внимание на том, как этот чумазый явился крестьянским трудом, то Чехов обнажил его во всех порах общественной жизни, основанной на господстве съятых, эксплуатирующих голов, невежество и темноту. И никакого «утешения» не предложил Чехов людям, желавшим оправдать этот породок вещей или приспособиться к нему.

В ряду разоблачаемых Чеховыми иллюзий едва ли не самой сильной и значительной была иллюзия духовной свободы интеллигентии при социальном господстве буржуазии. Теме этой обманчивой духовной целиности посвящено одно из значительнейших произведений Чехова — «Скучная история», эта настоящая «поэма» 80-х годов.

Герой повести, знаменитый профессор, талантливый учёный, прожил великолепную жизнь, полную успехов. Он и теперь, пораженный неизлечимой болезнью и гор

¹ Из книги «Горький и его время». ² «Неделя», 1888 г., стр. 484, 485. ³ «Русская мысль», 1888 г., № 7, стр. 112. ⁴ Письма. Том I. Стр. 30.

тосклив к смерти, верит, что наука — самое важное, самое прекрасное и нужное в жизни человека, что она всегда была и будет высшим проявлением любви, и что только ею одной человек победит природу и себя».

Но не даром в письме к Плещееву Чехов довольно искренне по отношению к своему героям указывает на то, что в своих рассуждениях профессор «влияет на самим собою». Дело в том, что его жизнь оказалась не такой цельной и удачной, какой он хотел представить ее впервые, подводя итоги. Он, правда, тщательно охранял ее, как самоцель и удачу, и это было им сделано его «воспитанниками», скромным честным малым». «Ничего это человечество, если вы, на минуту заглянув в церковную сторожку, где мучатся и друг друга мучат дьялочки с дьялами, в смешной душу Верочки, в душу Агафьи и ее мужа, тотчас же отходит как не знаетесясь дальнейшей судьбы этих страдальцев, не задумываетесь о ней? Вам хорошо в вашем ленивом и неспособствующем спокойствию, но дружимо каково с вами и около вас жить?» В этом вопросе было сформулировано основное обвинение писателя в беззастенчивости и равнодушии, равносильном «бесчеловечию».

В это время Михайловский печатает ряд статей о французских «натуралистах», на другие темы, и статьи эти настолько схожи по духу же проблеме «равнодушия» и «протеста» в литературе, что составляют как бы одно целое с его статьями о Чехове. Мы видели, что принципы «субъективной идеологии» критики, с обязательным требованием наглядного «протеста» в самом произведении, вели в том, что Бальзак трактовался в народнической критике как аналог буржуазной действительности, а Золя — как законченный представитель нравственно-политического индифферентизма. Художественные воспроизведения Чеховых российской действительности с этой же точки зрения было подведено под готовый лозунг, подсказанный «Неделею», — лозунг «реабилитации действительности».

Самая широта изображения этой действительности послужила пунктом обвинения Михайловского, называя его «распутностью и случайностью впечатлений».

«Выбор тем г. Чехова поражает своей случайностью», — писал он о новой книге Чехова «Амурье люди». — Его воображение рисует ему быков, отправляемых по железной дороге, потом тридцатипятилетнюю девочку, убивающую грудного ребенка, потом почту, перевозящую с одной станции другую, потом куницу, пьющую закусывающего и неизвестно что подсыпанного, потом самоубийцу-гимназиста и т. д.

То, что из картин, из этих «случайных» изображений вырастала поэтическая «бесчеловечность» картина мира эксплатации, нищеты, темноты, скучки, усталости, этого не принял Михайловский.

После утверждения, у Чехова же, как у старого профессора из «Скучной истории», даже самый искусный аналитик не найдет общего идена?⁵ Это историческое неодоразумие отразило встречу двух «общих идей» Чехов гениальной интуицией художника шаг к отрицанию всей буржуазной действительности, Михайловский, отражая интересы и точку зрения мелкого производителя, «общую идею» борьбы посреди в пределах буржуазного стиля и на путях либерального гуманизма.

Суворина в письме к Розанову после смерти Чехова с раздражением поминал своего либерального антиплана: «губить Чехова стал именно Михайловский. А Чехов был тем поэтом, который поет, как птица — поет и радуется»⁶.

В этом смысле Чехов на конечную неудачу своих отношений с Чеховым, была и прямая ложь. Суворин не мог не знать, что Михайловский не имел влияния на Чехова и не мог не помнить, что сам он долго и упорно стремился к влиянию на него.

До нас не дошли письма Суворина к Чехову, он обменялся письма Чехова на своих и последние, видимо, уничтожил. Поэтому не всегда понятны нам ответы Чехова, и многие места его писем остаются как бы зашифрованными. Но и по письмам Чехова уже с первых лет их переписки ясно видны и попытки Суворина оказать влияние на творчество Чехова прикрытое, не всегда, может быть, осознанным сопротивлением Суворина весьма схожи с упреками Михайловского (с другим знаком, конечно). Исклюциально интересна благороднейшая защита Чеховых материалистами в связи с поповской, реакционной иллюстрацией романа Бурже «Ученик» и попыткой

Короленко. Собр. соч. 1914 г. Том I, стр. 395.

⁵ «Северный вестник», 1887 г., № 9. Статья без подписи, но авторство Михайловского вновь сомневаются. Во-первых, о нем этом якобы говорит ее стиль, во-вторых, есть и свидетельства Чехова. В письме к брату от 3 декабря он сообщает, что был у Михайловского, критиковавшего его в «Северном вестнике».

⁶ «Русские ведомости». 1892 г. № 336. Т. Письма. Том IV. стр. 154, 156, 157.

■ ■ ■

На днях в Москве открывается юбилейная выставка художников УССР. На снимке: скульптура М. И. Гельмана «Материнство»

14 июля 1938 года исполняется первая годовщина завершения герического бесподобного полета Героев Советского Союза М. М. Громова, А. Б. Юмашева и С. А. Данилина Москва — СССР через Северный полюс. Государственное издательство политической литературы выпускает книгу специального корреспондента «Правды» Л. Хваты «Американские встречи» под редакцией И. Г. Лежнева. Автор книги, находившийся в СССР в форме художественного репортажа, рассказывает о своих многочисленных встречах в Америке. В книжке помещены фотоиллюстрации.

Наиболее доносящие до сознания читателя мысли автора.

Крымов отнюдь не склонен к тому, чтобы упрощать поставленную себе задачу.

И он изображает в своей повести с особенной тщательностью не только людей установившихся, определенных и ясных, но и таких, которые в самой повести эту определяют и ясность обретают.

Нет ничего более трудного для писателя, чем рассказ о перестройке человеческой психики. Суметь найти убедительные мотивы, перенести, верно увидеть момент, в который человек начинает думать иначе, чем до сих пор, — для этого нужно обладать очень развитым чувством такта, очень большой наблюдательностью итонкостью. В рассказе о том, как исключительный из комсомола за пьянство моторист Гусейн в результате большей внутренней ложки ломки разрывается на части, показано, что внешнее единство моториста Гусейна в результате складывается жизнью, не мешает им быть единичными, индивидуальными и пе-рсонажами, благодаря еле уловимым отличиям, какие несет в себе каждое истинное происшествие, каждый кусок настоящей жизни. И становятся очевидными, что повести Крымова есть еле уловимые отклики на память о мотористе Гусейне и показано, что изменилось и изменилось.

И когда Муся Белепская, жена стахановца Басова, долгое время верившая не ему, а племяннику, считавшему его бесплодным мечтателем, говорит рабочему Тарумову: «Я читала, что Алексей Стаханов в прошлом году травил какое-то администрирование. Неужели это правда?» — понимаешь, что внешнее единство случаев, из которых иногда складывается жизнь, не мешает им быть единичными, индивидуальными и персонажами, благодаря еле уловимым отличиям, какие несет в себе каждое истинное происшествие, каждый кусок настоящей жизни. И становятся очевидными, что повести Крымова есть еле уловимые отклики на память о мотористе Гусейне и показано, что изменилось и изменилось.

И когда Муся Белепская, жена стахановца Басова, долгое время верившая не ему, а племяннику, считавшему его бесплодным мечтателем, говорит рабочему Тарумову: «Я читала, что Алексей Стаханов в прошлом году травил какое-то администрирование. Неужели это правда?» — понимаешь, что внешнее единство случаев, из которых иногда складывается жизнь, не мешает им быть единичными, индивидуальными и персонажами, благодаря еле уловимым отличиям, какие несет в себе каждое истинное происшествие, каждый кусок настоящей жизни. И становятся очевидными, что повести Крымова есть еле уловимые отклики на память о мотористе Гусейне и показано, что изменилось и изменилось.

И когда Муся Белепская, жена стахановца Басова, долгое время верившая не ему, а племяннику, считавшему его бесплодным мечтателем, говорит рабочему Тарумову: «Я читала, что Алексей Стаханов в прошлом году травил какое-то администрирование. Неужели это правда?» — понимаешь, что внешнее единство случаев, из которых иногда складывается жизнь, не мешает им быть единичными, индивидуальными и персонажами, благодаря еле уловимым отличиям, какие несет в себе каждое истинное происшествие, каждый кусок настоящей жизни. И становятся очевидными, что повести Крымова есть еле уловимые отклики на память о мотористе Гусейне и показано, что изменилось и изменилось.

И когда Муся Белепская, жена стахановца Басова, долгое время верившая не ему, а племяннику, считавшему его бесплодным мечтателем, говорит рабочему Тарумову: «Я читала, что Алексей Стаханов в прошлом году травил какое-то администрирование. Неужели это правда?» — понимаешь, что внешнее единство случаев, из которых иногда складывается жизнь, не мешает им быть единичными, индивидуальными и персонажами, благодаря еле уловимым отличиям, какие несет в себе каждое истинное происшествие, каждый кусок настоящей жизни. И становятся очевидными, что повести Крымова есть еле уловимые отклики на память о мотористе Гусейне и показано, что изменилось и изменилось.

И когда Муся Белепская, жена стахановца Басова, долгое время верившая не ему, а племяннику, считавшему его бесплодным мечтателем, говорит рабочему Тарумову: «Я читала, что Алексей Стаханов в прошлом году травил какое-то администрирование. Неужели это правда?» — понимаешь, что внешнее единство случаев, из которых иногда складывается жизнь, не мешает им быть единичными, индивидуальными и персонажами, благодаря еле уловимым отличиям, какие несет в себе каждое истинное происшествие, каждый кусок настоящей жизни. И становятся очевидными, что повести Крымова есть еле уловимые отклики на память о мотористе Гусейне и показано, что изменилось и изменилось.

И когда Муся Белепская, жена стахановца Басова, долгое время верившая не ему, а племяннику, считавшему его бесплодным мечтателем, говорит рабочему Тарумову: «Я читала, что Алексей Стаханов в прошлом году травил какое-то администрирование. Неужели это правда?» — понимаешь, что внешнее единство случаев, из которых иногда складывается жизнь, не мешает им быть единичными, индивидуальными и персонажами, благодаря еле уловимым отличиям, какие несет в себе каждое истинное происшествие, каждый кусок настоящей жизни. И становятся очевидными, что повести Крымова есть еле уловимые отклики на память о мотористе Гусейне и показано, что изменилось и изменилось.

И когда Муся Белепская, жена стахановца Басова, долгое время верившая не ему, а племяннику, считавшему его бесплодным мечтателем, говорит рабочему Тарумову: «Я читала, что Алексей Стаханов в прошлом году травил какое-то администрирование. Неужели это правда?» — понимаешь, что внешнее единство случаев, из которых иногда складывается жизнь, не мешает им быть единичными, индивидуальными и персонажами, благодаря еле уловимым отличиям, какие несет в себе каждое истинное происшествие, каждый кусок настоящей жизни. И становятся очевидными, что повести Крымова есть еле уловимые отклики на память о мотористе Гусейне и показано, что изменилось и изменилось.

И когда Муся Белепская, жена стахановца Басова, долгое время верившая не ему, а племяннику, считавшему его бесплодным мечтателем, говорит рабочему Тарумову: «Я читала, что Алексей Стаханов в прошлом году травил какое-то администрирование. Неужели это правда?» — понимаешь, что внешнее единство случаев, из которых иногда складывается жизнь, не мешает им быть единичными, индивидуальными и персонажами, благодаря еле уловимым отличиям, какие несет в себе каждое истинное происшествие, каждый кусок настоящей жизни. И становятся очевидными, что повести Крымова есть еле уловимые отклики на память о мотористе Гусейне и показано, что изменилось и изменилось.

И когда Муся Белепская, жена стахановца Басова, долгое время верившая не ему, а племяннику, считавшему его бесплодным мечтателем, говорит рабочему Тарумову: «Я читала, что Алексей Стаханов в прошлом году травил какое-то администрирование. Неужели это правда?» — понимаешь, что внешнее единство случаев, из которых иногда складывается жизнь, не мешает им быть единичными, индивидуальными и персонажами, благодаря еле уловимым отличиям, какие несет в себе каждое истинное происшествие, каждый кусок настоящей жизни. И становятся очевидными, что повести Крымова есть еле уловимые отклики на память о мотористе Гусейне и показано, что изменилось и изменилось.

И когда Муся Белепская, жена стахановца Басова, долгое время верившая не ему, а племяннику, считавшему его бесплодным мечтателем, говорит рабочему Тарумову: «Я читала, что Алексей Стаханов в прошлом году травил какое-то администрирование. Неужели это правда?» — понимаешь, что внешнее единство случаев, из которых иногда складывается жизнь, не мешает им быть единичными, индивидуальными и персонажами, благодаря еле уловимым отличиям, какие несет в себе каждое истинное происшествие, каждый кусок настоящей жизни. И становятся очевидными, что повести Крымова есть еле уловимые отклики на память о мотористе Гусейне и показано, что изменилось и изменилось.

И когда Муся Белепская, жена стахановца Басова, долгое время верившая не ему, а племяннику, считавшему его бесплодным мечтателем, говорит рабочему Тарумову: «Я читала, что Алексей Стаханов в прошлом году травил какое-то администрирование. Неужели это правда?» — понимаешь, что внешнее единство случаев, из которых иногда складывается жизнь, не мешает им быть единичными, индивидуальными и персонажами, благодаря еле уловимым отличиям, какие несет в себе каждое истинное происшествие, каждый кусок настоящей жизни. И становятся очевидными, что повести Крымова есть еле уловимые отклики на память о мотористе Г

Театр - Кино - Музыка - Живопись

В ТРЕТЬЯКОВСКОЙ ГАЛЛЕРЕЕ

ВЫСТАВКА О. А. КИПРЕНСКОГО

В Государственной Третьяковской галерее подготовлена выставка произведений крупнейшего русского художника-портретиста первой половины XIX века О. А. Кипренского.

Первая выставка работ Кипренского в России была организована в 1911 году в Петербурге. Но она была крайне бедна, — выставлены были исключительно картины частных собраний. В 1936 году к столетию со дня смерти Кипренского открылась выставка его произведений в Ленинграде в Русском музее. Но и здесь далеко не полностью отражено творчество художника.

В Третьяковской галерее выставляется 65 картин художника, написанных маслом. Почти с исперывающей полнотой представлены многочисленные рисунки О. Кипренского, их насчитывается около 250 и в альбомах с 340 рисунками набросков.

Творческий путь Кипренского — это путь развития русского изобразительного искусства, от романтизма к вершинам классического реализма. Этот путь показывает выставка в многочисленных полотнах — от экспонируемого автопортрета, написанного Кипренским еще в юные годы, до портрета «М. Потоцкой», ее сестры С. Шуваловой и десятилетней «Эфионики», написанной художником в последние годы жизни.

В 1809 году Кипренский написал знаменитые портреты поэта-партизана Д. Давыдова, И. Куксова и Н. Гагарина. За эти портреты Кипренскому в 1812 году присуждается звание академика.

В 1827 году Кипренский пишет блестящий портрет А. С. Пушкина. Великий поэт на этом поэме посвятил портретисту стихотворение:

Любимец мои легкокрылый,
Хоть не британец, но француз,
Ты новых создал, волшебник мыслей,
Меня, питомца чистых муз,
И я смело над могилой,
Ушел извесь от смертных уз.
Себя, как в зеркале, я вижу,
Но это зеркало мне льстит.
Оно гласит, что не учили
Пристрастия важных Аонид.
Так Риму, Древлену, Парижу
Известен вперед мой будет вид.

Портрет Пушкина работы Кипренского, как и портрет Жуковского, сейчас находится в Пушкинском музее, но до конца открытая выставка должна быть перенесена в Третьяковскую галерею.

В настоящий время уже закончен сбор материалов и идет оборудование трех залов. Выставка откроется в средних числах июля.

РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ЖИВОПИСЬ

Государственная Третьяковская галерея готовит большую выставку русской исторической живописи. Организация этой выставки вызвала огромный интерес у тружеников с историей и прежде всего к германскому прошлому русского народа. Во время подготовки к выставке просмотрены все фонды Третьяковской галереи. Завязаны тесные отношения с пе-риферийными музеями, находящимися в ведении Комитета по делам искусств и наркомпросов союзных республик. Из многих музеев уже получены сообщения об имеющихся там произведениях русской исторической живописи. Сотрудники галерей выезжают в Ленинград, где просмотрены фонды крупнейших музеев. В настоящий время предварительный отбор картин для выставки почти закончен. Отобранные свыше 400 произведений виднейших художников. Из собрания Государственной Третьяковской галереи будут представлены — «Князь Тверской» — Флавицкого, «Иван Грозный у тела убитого сына» — Шварца, «Суд Пугачева» — Петрова, «Заложники», «Иван Грозный и сын» — Репина, «Утро стрелецкой казни», «Боярьшина Морозова», «Меников в Березове» — Сурикова, «Иван Грозный», «После побоища Игоря Святославича с половцами», «Богатыри» — В. Васнецова, произведения Верещагина, отражающие борьбу русского народа с иноземными интервентами во время Отечественной войны 1812 г., исторические пейзажи Аполлинария Васнецова, исторические картины С. Иванова, Рябушкина, работы Г. Серова, Лансера.

Кроме живописи, будут представлены скульптура, графика и книжная иллюстрация.

Выставка русской исторической живописи, которая откроется осенью этого года, займет около 12 залов Государственной Третьяковской галереи.

НА СЪЕМКАХ «ЩОРСА»

Сценарий начинается так:

«Тысяча девятьсот восемнадцатого года, июня двадцать первого дня в три часа пополудни, на Украине, в селе Боровицка погиб Северин Черняк рубанул немецкого солдата саблей по шее.

Солдат упал.

Черняк рубанул другого.

И началось!»

Возникает панорама событий восемнадцатого года. Из сел, деревень, хуторов идут партизаны, из городов идут красногвардейцы к Шорсу. В Унечу их встречают ча-

совские:

«— Документы!

— Документы у нас разные. Есть гет-

манские, петровские, немецкие...

— Показывай!

Партизан отодрал от спины мокрую со-

рокочку и повернулся спиной к часовому.

— Читай...

Все спина была исполосована шомполами и нагайками.

— Прокоходи...

Открывается калейдоскоп событий, лицей и лиц, широкое течение жизни. Украина чертится с панами, гайдамаками, польской шляхтой и германскими разбойниками. Деревенская беднота, батраки, рабочие воюют за свободу, за независимость, за советскую власть.

Этот фильм снимает в Киеве режиссер Александр Довженко. Картина называется «Щорс».

Николай Шорс был сыном железнодорожного машиниста, он окончил фельшерскую школу и школу прaporщиков во время войны в окопах он получил туберкулез легких; в 1918 г., когда Шорс командовал дивизией, ему было 23 года.

В фильме Шорс — народный воин, полководец, большевик, владеющий чудесной способностью привлекать человеческие сердца, умеющий предвидеть и побеждать на войне.

Партизаны приходят в Унечу к Шорсу. Они ждут, что к ним выйдет богатырь из могучей дланью и гремящим голосом. Но Шорс — невысокий, облыселый офицерский сложения человек, он сидит, как паук, на стуле, смотрит на зрителя, говорит: «— Офицеры, императора — нет. Империи пала под напором революционных сил... Вот пока все...»

Офицеры стоят, как столбы. Они знают, как нужно стоять перед генералом, о чем бы он ни говорил.

Богуны дают кровопролитный бой, побеждают неприятеля и прямо из сражения понападают на деревенскую свадьбу. Они плашут.

«Это был не тот гонак, что теперь танцует на разных эстрадах и танцах. Испортили гонак неудачные учители танцев почты во всей нашей боевой советской стране. Слов нет, приглатывают высокую и сейчас, и национальные брачные не плохи, — как говорится, сердца крепкие и ударять есть честь. Но есть это техника. А вот когда начали откладывать самые невиданные колена с мокрыми еще шапками, да бряжчат широкими так, что на столах самогонка захлюпала, за когда с гиком и саблей один налетел на семерых, отбивая все семь сабель, и когда и дивчата этого не выдержали, — тогда даже Павло Ткач, первый скептик и певица на селе, сказал со-седу:

— От темпери я бату, що Петлюрі ки-нече...

Другое место. В освобожденном селе крестьяне встречают бойцов Шорса:

«Жинки уже расставляли на площади столы с белыми мережевыми скатертями, а то и просто без скатертей, если не было,

в колпаке вражеских превосходных сил, ди-визия должна пробиться.

«— Пойдите, хлопцы, так, чтобы воз-гу было страшно, — говорит Шорс. — А добьем его под Коростнем. Это я вам го-ворю. Помните — стакан на жизнь. На по-беду. Ненавидите работу, как смерть. Лю-бите революцию, как жизнь... Командиры, то-го аудит, как завет!

Все знают — Шорс был убит. В окончательном тексте сценария эпизода смерти Шорса нет. Шорс живет до последнего кадра. В конце фильма он ведет своих хлопцов в Шорс. Довженко поступил как художник, он выбрал более трудный прием. Драматургический фильм легче было закончить смертью героя. Художественная правда повествует нам о Шорсе живом.

Я бы на съемке сцены в штабе германской оккупационной армии. Зал барского особняка. Лоснящийся паркет. В блонзовых рамках потускневшие овалы фамильных портретов. Два десятка офицеров в голубых мундирах, с желтыми крестами на пахах. К ним выходят генерал. Он высок, он грозен, он холен, он — сама мощь и гордость императорской армии. Однако он говорит:

«— Офицеры, императора — нет. Импе-рии пала под напором революционных сил... Вот пока все...»

Офицеры стоят, как столбы. Они знают, как нужно стоять перед генералом, о чем бы он ни говорил.

«— Катастрофа надо скрыть от ниж-них чинов...»

И раздается выстрел. Кто-то, не спуская глаз с генерала, выпустил маузер казенного образца из черной твердой кобуры, приставил дуло к своей вытянутой груди, нажал гашетку. Выстрел, падение тела, нарушение строя! Остальные не покосились даже, только сожмались по профессиональному привычке.

И генерал продолжает говорить. Он го-ворит о Украине, о хлебе, о том, что им-перия требует хлеба.

Тогда раздается новый выстрел, в дру-гом конце зала. Тут разделются в прах

дисциплина, выдергива, все холодное, сол-дафонское скопоктие.

— Ах! — вскрикивают господа офице-ры.

И всхлипывают руками. И истерически дергаются. И хватаются за голову...

Это уже паника, это психологическая катастрофа.

В сценарии этот эпизод сделан без вы-стрелов. Генерал говорит, офицеры слуша-ют. Довженко изобрел уже при съемке два

выстрела, прерывающие речь генерала, и от этого трагический смысл сцены приобретает страшную выразительность. Это чувствуешь даже на съемке, когда видны провода освещения, торчит перед глазами микрофон и режиссер подает руками не-мую команду.

О фильме еще рано говорить. Снято все-го только около половины материала. Довженко находится закончить картину в декабре.

Но очень много можно было бы сказать о сценарии. Жаль, что «Щорс» Довженко не был никем напечатан. Нет общих обсуждений в печати достоинства сценария. Это странный пресс-клуб, поддерживаемый сторонниками кино-журечества и кино-«секретничества». Между тем, мы знаем для очень важных по теме сценарии, которые были напечатаны в журнале и подверглись обсуждению. Одни были в результате забракованы для производства, а другой — серьезно исправлен.

Теперь, кажется, уже не пишут сценарии, которые похожи на таблицы логарифмов или списки шахматных ходов. «Щорс» Довженко — настолько личный фильм, что авторы не хотят, чтобы кто-либо из них напечатал его.

Соратник Шорса батько Боженко, кото-рый «любил почет и коньки, а иногда мог и пятачок погладить», — батько Боженко умирает в картине. Четырнадцать человек лежат на смертном одре, но никто из них не знает, что они умирают.

Богуны дают кровопролитный бой, побеждают неприятеля и прямо из сражения понападают на деревенскую свадьбу. Они плашут.

«Это был не тот гонак, что теперь тан-цует на разных эстрадах и танцах. Испортили гонак неудачные учители танцев почты во всей нашей боевой советской стране. Слов нет, приглатывают высокую и сейчас, и национальные брачные не плохи, — как говорится, сердца крепкие и ударять есть честь. Но есть это техника. А вот когда начали откладывать самые невиданные колена с мокрыми еще шапками, да бряжчат широкими так, что на столах самогонка захлюпала, за когда с гиком и саблей один налетел на семерых, отбивая все семь сабель, и когда и дивчата этого не выдержали, — тогда даже Павло Ткач, первый скептик и певица на селе, сказал со-седу:

— От темпери я бату, що Петлюрі ки-нече...

Другое место. В освобожденном селе крестьяне встречают бойцов Шорса:

«Жинки уже расставляли на площади столы с белыми мережевыми скатертями, а то и просто без скатертей, если не было,

и ставили на столы борщи и хлеба, и картошку и молоко, кислое и сладкое. Ставили сметану, сыр, варенки, и творожки, и мед, прямо мисками гречаный, темный в сметане и просто мед, и ложки, и сливы, и яблоки. А одна бабушка поставила мисочку вареной нечищеной картошки, и никто потом в селе не упрекнул ее и не посмеялся над нею. Не была она ни скупой, ни ехидной, а была она добрый отзывчивый, на великом и величиище, какими были вспомнили ее друзья.

Чтобы изображение изложено было глубже. Действительно, как не возму-щаться Ею, человеком, поглощенным отечес-твенной патриотикой, подвергнутой яконо-мическим репрессиям и финансовой блок-аде? И главное этим занимается Управление по охране авторских прав — орга-низация, которая создана для того, чтобы защищать автора и ограничивать его пропага-дацию из всяких покушений со стороны

слушальных, экологических людей! И вдруг это самое управление ни с того ни с сего начинает наязывать Чаговцу-Андрееву-коту при принудительном соавторстве... М. Горько-

го!

Дело было так. Для Саратовского театра юного зрителя Чаговец-Андреевич написал пьесу «Детство»...

Впрочем, зачем нам заниматься пересказом, когда перед нами лежит документ, собственноручно подписанный Чаговцем-Андреевичем. Вот он:

«В Управление по защите авторских прав.

Из сообщения, присланного Центральным УЗАП, я узнал, что половина авторского гонорара за исполненную мною по повести Горького пьесу «Детство», идущую на сцене Саратовского ТЮЗа, зачисляется в счет наследников Горького.

В виду отсутствия в законе об авторском праве соответствующих указаний, я считаю подобного рода распределение незаконным, и, к тому же, производимым без ведома заинтересованной стороны, какую является Управление по защите авторских прав.

На основании изложенного прошу довести до сведения Центрального управления, что впервые изданная правительством разъяснения, — я согласен лишь на отчисление в счет наследников Горького 25 процентов гонорара, а поэтому вторые 25 проц., незаконно и без моего ведома удержаны с меня, я прошу мне немедленно возвратить.

Литератор УССР Чаговец-Андреевич.

Чин, чин-то какой, обратите внимание!

Литератор Украинской Советской Социалистической Республики...

Имел такой чин, прямо неприлично

получать 50 проц. гонорара за литерату-ральное произведение... А. М. Горького, — даже члены С

ПО РЕСПУБЛИКАМ СОЮЗА

«НАЙКРАЩИ ИМЕНА»

Книга эта, выпущенная Украинским Дептатом, рассчитана на самых маленьких читателей. В ней собраны стихи украинских и еврейских поэтов о Ленине и Сталине.

Маленькому читателю особенно привлекут включение в сборник стихотворения Н. Забили «Домик над озером», Л. Квятко «Кольбельная песня» и Х. Левиной «Тайна». В стихотворении «Домик над озером» рассказывается о пребывании Владимира Ильчука в Финляндии, стихотворение «Кольбельная песня» и «Тайна» посвящены товарищу Сталину.

ЭКСПОНАТЫ ДЛЯ ФИЛИАЛА МУЗЕЯ В. И. ЛЕНИНА В КИЕВЕ

Школа мастеров народного творчества при Управлении по делам искусств при Совнаркоме УССР заканчивает изготовление экспонатов для филиала музея В. И. Ленина в Киеве. Талантливые колхозники с. Михайловки Каменского района Киевской области, Макар Муха, оформил большую декоративную вазу на тему «Ленин в Октябрь». На ней изображена встреча товарища Сталина с В. И. Лениным в дни Октября. На другой вазе молодой ученик школы Рябушко мастерски выгравировал портреты Ленина и Сталина.

ПОВЕСТЬ О ПАРХОМЕНКО

В редакции «Истории гражданской войны» (Киев) состоялась читка новой повести украинского писателя Петра Панчиша «Александр Пархоменко». Повесть написана на материалах истории гражданской войны и принята редакцией к печати.

НОВЫЕ РУКОПИСИ ПАНАСА МИРНОГО

Сын Панаса Мирного — Михаило Рудченко среди старых книг обнаружил две рукописи писателя — черновой вариант комедии «Глубка» и перевод «Короля Лира» на украинский язык. Об этом переводе до сих пор не известно. К сожалению, Институт литературы Украины не занялся этими рукописями и не принял пока мер для их опубликования.

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «ФЕДЕРАЦИЯ»

В грузинском издательстве «Федерация» в ближайшее время выходят из печати: «Гандамаки», Т. Шевченко, в переводе с украинского Н. Надирладзе; первый том сочинений Ш. Дадиани и вторая часть романа А. Кутатели «Лицом к лицу».

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ КАЗАХСТАНА

Казахстанский филиал Академии наук СССР заканчивает подготовку к печати полного двухтомного собрания сочинений Абая Кунанбаева. Абай — классик казахской литературы.

В первый том включены оригинальные стихотворения и поэмы Абая, во второй — рассказы, публицистические статьи и афоризмы, а также стихотворные переводы из русских классиков: Пушкина, Лермонтова, Крылова и др.

При жизни Абая Кунанбаева стихотворения его не печатались. Они распространялись в рукописях. Первое, далеко не полное, собрание сочинений поэта вышло после его смерти в 1926 году. Семинарская в 1909 году. Стихи и поэмы были напечатаны арабским шрифтом. В книге было много отпечатков неточностей.

В новом полном собрании сочинений Абая Кунанбаева ряд произведений будет опубликован впервые, по найденным недавно рукописям.

Сочинения Абая будут предшествовать вступительная статья о его творчестве и биографический очерк. Произведения поэта снабжены комментариями, словarem и хронологическим указателем.

«ШАЛКЫМА»

В Казахстанском Госиздате вышла поэма молодого писателя Д. Абильева — «Шалкыма». Основная тема поэмы — приход ярового казаха Шалкыма к революции.

Удалого горного озера, в Баян-аульском районе живет рыбак Джульдар. Озеро защищено от мира горой Баян, вершина которой касается неба, вершина блестящая, как золотая расписка красавицы. Стоит Баян, словно несокрушимый батыр, одетый в колчугу. Но и за эту гору простирается власть бая Каскыря. От его присовок гибнет сначала жена рыбака, а затем и сам рыбак. Их единственный сын Шалкыма остается спиротой. Он бежит в лес, где лесник Иван усыновляет его. Последующие события посвящаются уже предреволюционному периоду. Возмущенный Шалкыма убивает бая и участвует в событиях первых лет революции.

Поэма «Шалкыма» — первое крупное произведение молодого писателя Д. Абильева.

СБОРНИК СТИХОВ

Калмыцкий Госиздат выпускает сборник стихов начинающих калмыцких поэтов. В сборнике помещены произведения Нармаева Морхалея — «О панахинцах» и «Песни колхозников», Бутакова — «Сталин — союзный депутат», Джидалева — «Песни о Сталине» и другие.

Тираж сборника 2.000 экземпляров. Цена — 50 коп.

В центральном доме журналиста

16 июля состоится вечер памяти В. Маяковского, посвященный его 80-летию со дня рождения великого поэта.

С воспоминаниями о В. Маяковском выступят сестра и мать поэта — Ольга Владимировна и Александра Алексеевна Маяковские.

Стихи Маяковского прочтут артисты бригады художественного чтения им. Маяковского.

14 июля состоится вечер драматурга-организатора К. Тренева. После выступления драматурга, который расскажет собравшимся о своем творчестве, артисты Малого и Художественного театров исполнят сцены из его произведений.

Литературная газета

6

№ 38

Книги и депутатов

Уже открылись и в ближайшее время открываются первые сессии новых избранных Верховных Советов союзных и автономных республик. Среди лучших представителей страны, избранных в депутаты Верховных Советов, имеются писатели и поэты. Даём краткую справку о книгах этих депутатов. (по данным Книжной палаты).

Депутат Верховного Совета РСФСР от Пензенского сельского избирательного округа Михаил Колычев за пятнадцать лет с 1922 по 1937 год выпустил десятки книг, многие из них вышли тиражами в сотни тысяч экземпляров. Книги М. Колычева переведены на языки народов СССР — украинский, белорусский, грузинский, еврейский, татарский, хакасский; его книги вышли на иностранных языках — английском, французском, испанском, чешском, итальянском, немецком, польском.

В огромных тиражах издаются песни В. И. Лебедева-Кумача, депутата Верховного Совета РСФСР от Фрунзенского избирательного округа Москвы. Это — любимые песни советского народа.

Депутат Верховного Совета УССР поэт-академик Павло Тычин — автор ряда книг оригинальных и переводных стихов. Книги его вышли тиражом около 125 тыс. экземпляров. Особенной популярностью пользуется сборник его стихов «Партия веде». Стихи Павла Тычини переведены на русский и еврейский языки.

Письма А. Е. Корнейчука, депутата Верховных Советов СССР и УССР, широко известны всей стране. Первая пьеса А. Е. Корнейчука «Гибель эскадры» вышла на украинском, русском, еврейском, татарском и мордовском языках, общим тиражом около 60 тысяч экземпляров. Вторая его пьеса «Платон Кречет» вышла на украинском, русском, еврейском, немецком, польском, болгарском, албанском и чешском языках тиражом свыше 100 тысяч экземпляров. Русский перевод «Платона Кречета» вышел тиражом свыше 65 тысяч экземпляров. Последняя из поставленных уже на сцене пьес А. Е. Корнейчука «Правда» вышла на украинском, русском и еврейском языках.

Письма А. Е. Корнейчука, депутата Верховных Советов СССР и УССР, широко известны всей стране. Первая пьеса А. Е. Корнейчука «Гибель эскадры» вышла на украинском, русском, еврейском, татарском и мордовском языках, общим тиражом около 60 тысяч экземпляров. Вторая его пьеса «Платон Кречет» вышла на украинском, русском, еврейском, немецком, польском, болгарском, албанском и чешском языках тиражом свыше 100 тысяч экземпляров. Русский перевод «Платона Кречета» вышел тиражом свыше 65 тысяч экземпляров. Последняя из поставленных уже на сцене пьес А. Е. Корнейчука «Правда» вышла на украинском, русском и еврейском языках.

Депутат Верховного Совета Грузинской ССР И. О. Мосавиши — автор пяти книг, в том числе сборника стихов для детей, сборника рассказов, сборника фольклора Кахетии и отдельных поэм.

Депутатами Верховного Совета Армении являются писатель М. М. Арутюнян (Араки) и народный актер Г. Г. Галустян (Григор). М. М. Арутюнян — автор 9 книг, вышедших на армянском языке тиражом в 36 тысяч экземпляров.

Депутатом Верховного Совета Казахской ССР является славнейший представитель поэзии народов СССР Джамбул Джабав, народный актер, одиночесник. Песни этого замечательного народного певца вышли на родном языке тремя сборниками в десятках тысяч экземпляров. На русском языке также вышли три сборника песен Джамбула Джабава, общим тиражом в 35 тысяч экземпляров.

В Верховном Совете Азербайджана — Векилов Самед Вургул, Орудбадов Мамед Сейд Гаджи Ага оглы, Рустам Заде Сулейман Али Абас оглы, Раев Расул Ибрагим оглы.

Поэт Векилов Самед Вургул известен как переводчик на азербайджанский язык «Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели. Переводы его стихов вышли на русском языке.

Орудбады Мамед Сейд Гаджи Ага оглы — автор романа «Туманная Тавриз». Роман этот вышел многими изданиями на азербайджанском и отдельными изданиями на армянском и русском языках. Широко известен также сборник его «Антарилигийских стихов».

Рустам Заде Сулейман Али Абас оглы — автор сборника стихов «Звезды» и один из редакторов и участников сборника стихов азербайджанских поэтов «Голос поэта».

Раев Расул Ибрагим оглы — автор поэтического сборника «Крылья». Этот поэт вышел многими изданиями на азербайджанском и отдельными изданиями на армянском и русском языках. Широко известен также сборник его «Антарилигийских стихов».

В Верховном Совете Узбекистана — три писателя: Ахунда Нурулла, Хусайнов Сатдат и Аббасов Эминиль.

Ахунда Нурулла — автор книги стихов «От стечей к цветам».

Хусайнов Сатдат — автор пьесы «Гогоба».

Аббасов Эминиль — молодой узбекский поэт. Его сборник стихов «Сыны родины» вышел в 1936 году в Ташкенте в Гослитиздате Узбекистана.

В Верховный Совет Киргизской ССР избрали депутатами Шамиль Толен и народный актер Усебай Альмукул. Шамиль Толен — автор шести поэтических сборников, вышедших тиражом около 20 тыс. экземпляров.

В СОСТОЯНИИ ПОКОЯ

Одной из замечательнейших особенностей нашей советской литературы является ее крепкая, неразрывная связь с читателем.

Роль литературно-читательского кружка исключительно велика. Литературно-читательский кружок воспитывает вкус читателя, систематизирует и углубляет его познания в области литературы. Тут, конечно, многое зависит от руководителя. Обединение читателей-одиночек в коллективы, коллективное обсуждение какой-либо книги, склонение различным мнением уже многое дает читателю.

Как будто вполне по адресу. Но в сожалении удивились и даже возмутились: что это еще за ликтружки, почему мы должны оказаться на помощь, откуда у нас руководители...

И тут придушила т. Ждан по совету одного доброго человека из союза отправилась в Литературный институт — авось кто-нибудь из студентов согласится руководить кружком. Но студенты упорно отказались: началилась январская зачетная сессия. Только благодаря искрометной настойчивости т. Ждан одна из студентов сообщила, что перед нами второе дополненное издание.

В письме, присланном вместе с книгой, семья Овчинниковых из Орехово-Зуева просит нас прочесть книгу и вступиться за русский язык.

Мы ограничимся цитатами.

Сначала мы сказали, что перед нами второе дополненное издание.

«Все эти путешествия необследованных

чукких, внимательных, кровно, по-большому соприженные для Носилова с большими трудностями...»

«В этот сборник взяты его лучшие рассказы.»

«У одного было даже какое-то короткое ружье, которым он клялся, что убьет зайца.»

«Тут были дети постарше, которые только отмартынивались своими ресницами...»

«Меня позвал в лодку один широкоплечий, с рыхлой бородой, мужик, у которого на носу стояла пара его дочерей — девушки...»

Мы полагаем, что семья Овчинниковых имеет все основания для того, чтобы защищать редактора книги К. Рождественской.

Мы полагаем, что семья Овчинниковых имеет все основания для того, чтобы защищать редактора книги К. Рождественской.

«Мы сказали, что семья Овчинниковых не занималась с одиозным спекулятивным конституциональным судом. заведующим кружком».

«Мы сказали, что семья Овчинниковых не занималась с одиозным спекулятивным конституциональным судом. заведующим кружком».

«Мы сказали, что семья Овчинниковых не занималась с одиозным спекулятивным конституциональным судом. заведующим кружком».

«Мы сказали, что семья Овчинниковых не занималась с одиозным спекулятивным конституциональным судом. заведующим кружком».

«Мы сказали, что семья Овчинниковых не занималась с одиозным спекулятивным конституциональным судом. заведующим кружком».

«Мы сказали, что семья Овчинниковых не занималась с одиозным спекулятивным конституциональным судом. заведующим кружком».

«Мы сказали, что семья Овчинниковых не занималась с одиозным спекулятивным конституциональным судом. заведующим кружком».

«Мы сказали, что семья Овчинниковых не занималась с одиозным спекулятивным конституциональным судом. заведующим кружком».

«Мы сказали, что семья Овчинниковых не занималась с одиозным спекулятивным конституциональным судом. заведующим кружком».

«Мы сказали, что семья Овчинниковых не занималась с одиозным спекулятивным конституциональным судом. заведующим кружком».

«Мы сказали, что семья Овчинниковых не занималась с одиозным спекулятивным конституциональным судом. заведующим кружком».

«Мы сказали, что семья Овчинниковых не занималась с одиозным спекулятивным конституциональным судом. заведующим кружком».

«Мы сказали, что семья Овчинниковых не занималась с одиозным спекулятивным конституциональным судом. заведующим кружком».